

9. Griffith G. *In an Unknown Prison Land. An Account of Convicts and Colonists in New Caledonia with Jottings out and Home*. London: Hutchinson and Co., 1901.
10. Isbister A.K. *A Proposal for a New Penal Settlement, in Connection with the Colonization of the Uninhabited Districts of British North America*. London, 1850.
11. Jameson F. *Utopia as Method, or the Uses of the Future. Utopia/Dystopia: Conditions of Historical Possibilities*. eds. Gordin M., Tilley H., Prakash G. Princeton: Princeton University Press, 2010
12. O'Malley J.W. *The Jesuits: A History from Ignatius to the Present*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishing Group, 2014.
13. Stille Ch. J. American Colonies as Penal Settlements. *The Pennsylvania Magazine of History and Biography*. 1889, Vol. 12, no. 4, Pp. 457–464.
14. Toth S.A. *Beyond Papillon: the French Overseas Penal Colonies, 1854–1952*. Lincoln: University of Nebraska Press, 2006.

СПЕЦИФИКА МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ НА ФРОНТИРНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ¹

Романова Анна Петровна, доктор философских наук, профессор

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: aromanova_mail@mail.ru

Целью данной статьи является построение новой типологии межкультурных коммуникаций осуществляемых на фронтальных территориях. Межкультурные отношения на фронтире, представляющем собой территорию подвижной границы, отличаются особой спецификой и сложностью, поскольку сам фронтир представляет собой гетеротопное пространство. Общепринятой типологии таких отношений, которая была бы применима для любого фронтира (американского, сибирского, азиатского и т.д.) не существует. Методологией данного исследования является, прежде всего, сама гетеротопная теория. Рассматривая фронтир как гетеротопное пространство межкультурных коммуникаций, мы можем выявить их разнообразие и сравнить с коммуникациями, протекающими на других территориях. Для подтверждения нашей типологии мы используем материалы нарративных источников, описывающих жизнь и межкультурные коммуникации на фронтальных территориях, преимущественно в диахронном аспекте. Наиболее показательными для российского дискурса с нашей точки зрения являются нарративные источники, связанные с Кавказским фронтиром. В статье предлагается авторский вариант типологии межкультурных коммуникаций на фронтальных территориях. Мы выделяем интегративный, сепарационный и конфронтационный типы межкультурных контактов, которые подтверждаются ссылками на нарративные источники. В статье обращается внимание и на трансгрессивные процессы, происходящие на фронтире и влияющие на межкультурные коммуникации.

Ключевые слова: фронтир, гетеротопия, трансгрессия, межкультурные коммуникации, Кавказ

SPECIFIC CHARACTER OF INTERCULTURAL COMMUNICATIONS WITHIN FRONTIER TERRITORIES

Romanova Anna P., D.Sc. (Philosophy), Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: aromanova_mail@mail.ru

The article is aimed at development of a new typology of intercultural communications, carried out in the frontier territories. Cross-cultural relations in the frontier that is the territory of flexible boundaries are characterized by specific nature and complexity as the frontier itself is a heterotopic space. There is no common typology of such relations that would be applicable for any frontier (American, Siberian, Asian, etc.). The methodology of this research is represented first of all by heterotopic theory itself. Considering the frontier as the heterotopic space of intercultural communications, we can reveal all the variety of intercultural communications, to compare them with communications within other territories. To confirm our typology we use the materials of narrative sources, which describe the life and intercultural communications within frontier territories, mainly in diachronic aspect. From our point of view, the narrative sources, linked with the Caucasus frontier, are the most illustrative for the Russian discourse. In the article there is given the author's variant of typology of cross-cultural communications in the frontier territories. There are integrative, separational and confrontational types of intercultural contacts that are confirmed by the narrative sources. The article also points out transgressive processes, going on in the frontier during intercultural communications.

Keywords: frontier, heterotopy, transgression, intercultural communications, Caucasus

В последнее время в теоретической и прикладной науке возрастает интерес к исследованиям в области межкультурных коммуникаций. Процессы глобализации, увеличение диапазо-

¹Работа выполнена при РГНФ 14-03-00414 Межкультурная коммуникация в условиях гетеротопии фронтира».

на туристической и образовательной мобильности, делают процессы межкультурных контактов обыденным явлением повседневной жизни. Однако так было далеко не всегда. В течение многих веков интенсивные межкультурные контакты не являлись частью повседневной культуры на всех заселенных территориях. Это было скорее прерогатива фронтальных зон, где в силу обстоятельств сталкивались люди разной этнической принадлежности. Анализируя фронт как культурный феномен, отечественная исследовательница И.П. Басалаева вычленяет целую серию специфических для фронта черт, и одной из важнейших, она называет этнокультурную неоднородность фронтальных групп [2]. Полемицируя с ней, отечественный исследователь фронта С.Н. Якушников считает, что этническая неоднородность не является главным приоритетом фронта, приводя в пример сибирский и американский фронт, где «существовали большие пространства незаселенной или слабоосвоенной земли, в которых иноэтничный аспект не играл какой-то существенной роли» [8, с. 291]. Однако он признает, что даже один из фронтальных акторов может быть представлен самыми различными этносами. С нашей точки зрения этническое многообразие, если и не является доминирующей характеристикой фронта, все же для ряда фронтальных территорий, например, для Кавказа, является весьма существенным фактором. Не только этническое разнообразие фронтальных акторов, но и «более высокая, чем в метрополии, степень горизонтальной и вертикальной мобильности, несформированность постоянного (местного) населения» [2] позволяют говорить об активных межкультурных контактах на фронте. И хотя И.П. Басалаева упоминает об этом факторе как о последнем в ряду выделенных ею фронтальных характеристик, для нашего исследования этот фактор является весьма немаловажным. Целью данной статьи является построение новой типологии межкультурных коммуникаций осуществляемых на фронтальных территориях. Кросс-культурные отношения на фронте, представляющем собой территорию подвижной границы, отличаются особой спецификой и сложностью, поскольку сам фронт представляет собой гетеротопное пространство. Общепринятой типологии таких отношений, которая была бы применима для любого фронта (американского, сибирского, азиатского и т.д.) на данный момент не существует. Мы не претендуем на построение некоей универсальной типологии, мы попытаемся предложить вариант типологии, приемлемой для анализа межкультурных коммуникаций на кавказском фронте, которую можно будет в дальнейшем применять и для исследования других фронтов.

Теоретические и методологические основы исследования. В основе нашего исследования лежат три базовых категории: фронт, гетеротопия и межкультурные коммуникации.

Проблема межкультурных коммуникаций как мы уже писали выше, в XX в. становится одной из самых востребованных и обсуждаемых в научном мире. Исследования Эдварда Т. Холла [10] во многом определили перспективу дальнейшего развития теории межкультурной коммуникации как науки. Исследовательское поле этой проблематики расширяется, поскольку она получила дальнейшее развитие в различных гуманитарных направлениях – филологии, психологии, социологии, истории. Интересы нашего исследования лежат на пересечении ряда гуманитарных направлений, в том числе философии, истории, этнологии.

Мы рассматриваем межкультурную коммуникацию шире, нежели межперсональную коммуникацию, хотя признаем, что она лежит в основе любой коммуникативной системы. В систему межкультурной коммуникации мы включаем межперсональные отношения, отношения между определенными группами, группами и индивидами, относящимися к различным культурам, а так же те стереотипы (patterns), которые влияют на эти взаимоотношения.

Объектом нашего исследования являются те межкультурные коммуникации, которые осуществляются на фронте. Под фронтом в классическом варианте, предложенном Ф. Тернером, понимается территория, представляющая собой подвижную границу и обладающая следующими характеристиками: окраинность заселенной территории; противостояние дикости и цивилизации; сопротивление властям, свобода, демократизм, либерализм, полиэтничность и поликонфессиональность, религиозная свобода; индивидуализм, отрицание старого, новое поле возможностей и т.д. [11]. В силу того, что, сам Тернер дал весьма расплывчатое определение фронта, а применение фронтальной методологии к ряду территорий дало интересные результаты, возросла эпистемологическая роль фронтальной теории. По мере распространения, идея фронта получила новое осмысление и развитие. Фронт перестал пониматься преимущественно, как пограничная территория между дикостью и цивилизацией. Он стал рассматриваться и как территория «между Своими и Чужими» (С.Н. Якушников, О.С. Якушenkova), как разлом двух цивилизаций (А.Д. Агеев) как контактная, диалоговая зона встреч различных культур (А.С. Хромых, И.Я. Леваш) и т.д.

В современной интерпретации изменился сам подход к фронту. Под фронтом на данном этапе понимается, в том числе и особая система межкультурных коммуникаций, кото-

рая может возникнуть на пространстве соприкосновения различных культур, в том числе и в мегаполисах, принимающих большие миграционные потоки.

Пространство фронта мы рассматриваем как гетеротопию. Термин «гетеротопия» ввел в научный оборот М. Фуко. («Слова и вещи. Археология гуманитарных наук» (1966), «Другое пространство» (1984)) Гетеротопия, с его точки зрения, это реально существующие пространства, эффективно действующие утопии, которые формируются в самом основании общества. Они представляют собой контр-пространства, в рамках которых другие реальные места, существующие в культуре, одновременно представлены, противопоставлены друг другу и перевернуты. Эти места находятся за пределами всех мест, хотя в реальности они фактически локализуемы.

(«...Places that do exist and that are formed in the very founding of society – which are something like counter-sites, a kind of effectively enacted utopia in which the real sites, all the other real sites that can be found within the culture, are simultaneously represented, contested, and inverted. Places of this kind are outside of all places, even though it may be possible to indicate their location in reality») [9, с. 25].

В гетеротопных пространствах разобщенные элементы получают возможность сосуществовать в единстве. М. Фуко выделяет два типа гетеротопии: гетеротопии кризиса, характерные, как считал Фуко, для традиционных обществ, как места для людей находящихся в критическом состоянии; гетеротопии отклонений, для людей с девиантным поведением – отклонением от нормы (тюрьмы, дома престарелых, психиатрические лечебницы, дома отдыха)

Фуко считает любую культуру гетеротопной, и гетеротопность культуры, при всей ее вариативности, делает ее в этом смысле универсальной. Гетеротопии изменчивы, с течением времени они могут кардинально поменять свою аксиологическую наполненность, как это случилось с феноменом кладбища в современной культуре. Гетеротопия как пространство может включать в себя множество взаимоисключающих пространств (сад, театр, кинотеатр, ковер). Гетеротопия как время – это гетерохрония, характеризующаяся временными разрывами и скачками (библиотеки и музеи, праздники, ярмарки). Гетеротопные пространства могут выполнять компенсаторную функцию (бордели, утопические колонии). В этих принципах заложены основы для классификации гетеротопий. Но Фуко детально ее не разрабатывает. Это в основном некий набросок.

Почему фронт мы можем классифицировать как гетеротопию? В гетеротопном пространстве межкультурных коммуникаций фронта мы встречаем множество «других пространств», контр-пространств, противоречивых и взаимоисключающих друг друга. Фронт – это пространство где концентрируются лица, поведение, мировоззрение, религиозная ориентация которых отличались от общепринятой нормы. И в этом смысле мы можем отнести его к гетеротопии девиации. На фронте создаются различные, подчас временные сообщества и союзы, вектор межкультурных коммуникаций которых бывает различным.

Фронт, как подвижная граница, гетеротопен уже в силу условности и постоянной смещаемости этой границы. На кавказском фронте даже те поселения и крепости, которыми долгое время пытались зафиксировать некую определенность границы, выстроить защитный кордон, периодически исчезали, уничтожались во время набегов или военных действий, или по приказу сверху, заменялись новыми, подчас меняя локализацию в ландшафте, не меняя названий. Примером этому может послужить терская крепость (Терки) [4, с. 15–16].

Методологией данного исследования является, прежде всего, сама гетеротопная теория. Рассматривая фронт как гетеротопное пространство межкультурных коммуникаций, мы можем выявить все их разнообразие и провести сравнительный анализ с коммуникациями, происходящими на других территориях. Исследуя на данном этапе исторический аспект проблемы, мы используем для анализа, прежде всего нарративные источники.

Типология межкультурных коммуникаций на фронте. Существует несколько вариантов типологии межкультурных взаимодействий (Ф.К. Бок, Н.К. Иконникова, В.П. Бранский, И.Д. Колесин, И.С. Следзевский). Беглый критический анализ всех предложенных вариантов типологии дан в статье Е.И. Сабаненко [7].

Однако с нашей точки зрения нельзя ставить знак равенства между понятиями «межкультурные взаимодействия» и «межкультурные коммуникации». Под акторами межкультурного взаимодействия подразумеваются в основном определенные достаточно крупные культурные сообщества или целые культуры. Межкультурные коммуникации включают в себя как коммуникацию различных культурных групп, так и индивидуальные взаимодействия. Типологию межкультурных коммуникаций пытается выстроить в своей докторской диссертации П.Н. Донец, однако данное исследование скорее представляет собой анализ различных вариантов межкультурных коммуникаций, нежели четкую типологизацию [3].

В рамках нашего исследования нас интересует типология межкультурных коммуникаций на фронтире, когда акторами являются как культурные группы, так и отдельные индивиды.

Давая характеристику взаимодействию фронтирующих групп, И.П. Басалаева определяет его как амбивалентно-конфликтное [2], не детализируя по типам. Мы попытаемся дифференцировать типы межкультурных коммуникаций, с учетом предложенных ранее типологий культурных взаимодействий, опираясь преимущественно на исследования Кавказского фронта в период с XVII по начало XX в.

В системе фронта мы выделяем следующие типы межкультурных коммуникаций, которые могут существовать параллельно, а могут и доминировать на определенных этапах развития фронта: интеграционный, сепарационный, конфронтационный. В основе выделения этих типов лежат характер и результативность данных контактов. Важным фактором межкультурных коммуникаций на фронтире является природная среда, которая может способствовать доминированию тех или иных типов межкультурных контактов.

Интеграционный тип межкультурных коммуникаций, в результате которого акторы вступают во взаимовыгодные отношения (экономические, производственные, торговые, семейно-брачные), направлен на достижение определенного консенсуса и понимания. Этот тип коммуникаций характерен для раннего этапа развития фронта. В этом типе отношений природная среда является их катализатором. Часто причиной интеграционных контактов становится помощь аборигенного населения пришлому, «варягам», в овладении технологиями выживания в новой для них природной среде.

Эти коммуникации чаще всего размывают и без того условную линию фронта, поскольку они происходят между этносами с разных сторон фронта. На фронтире появляются такие гетеротопные места, «убежища» как Тюменское владение. «Сюда сбегались кабардинцы, чеченцы, кумыки, большие и малые ногаи, даже грузины, армяне закубанские, черкесы – все кому тесно было жить на родине, кого преследовали сами общества как нарушителей законов и обычаев страны. Все это были люди того же пошиба что и русские вольные казаки, а потому последние легко с ними дружились и уживались» [6, с. 21]. В постоянно возникающих и разрушаемых, переносимых с места на место крепостях, еще достаточно немногочисленные гребенские казаки «вступали в тесные дружественные отношения с соседними горскими народами» [5, с. 24], жили «во вполне дружеских отношениях со многими кумыкскими и кабардинскими князьями» [1, с. 27]. Они оказывали кавказским народам посильную военную и хозяйственную помощь и поддержку, вели с ними меховую торговлю [5, с. 24].

Сепарационный тип межкультурных контактов был направлен на обособление определенных культурных и этнических групп, их отгораживание даже в рамках того пространства контактов, которое условно считалось «своим», как это происходило со старообрядцами или отдельными кавказскими этносами. Причем часто природа, например, неприступные горы, способствовала их более полному отгораживанию от остального мира и сведению контакта к необходимому минимуму. Знаменитые родовые башни кавказских народов (ингушей, чеченцев, дагестанцев, осетин) способствовали такому типу общения.

Конфронтационный тип межкультурных коммуникаций характерен для стадии «зрелого» фронта. На этапе, когда идет интенсивный процесс освоения фронтирных территорий, сформировалось пространство сопротивления внешней экспансии (белых в США, России на Кавказе). Правда, надо учитывать, что «фронт» сопротивления не был устойчивым, отдельные племена периодически вступали в союзы со своими вчерашними противниками. Но, тем не менее, конфронтационные межкультурные контакты становятся доминирующими.

Помимо непосредственно военных действий это выражается в разбойных набегах, грабежах, проявлениях вандализма, причем с обеих сторон. Сигнификатами таких межкультурных контактов становятся акты устрашения (снятие скальпов и отрубание голов, сжигание дотла поселений, в отдельных случаях вместе с жителями). В этих контактах природа является союзником аборигенных акторов. Их природная среда обитания, как например Американские прерии или Кавказские горы, становится еще одним орудием в борьбе за сохранение своего культурного пространства.

Все три типа межкультурных коммуникаций на фронтире сопровождаются трансгрессивными процессами. Под трансгрессией (лат. *trans* – сквозь; через, за и *gressus* – приближаться, переходить, нападать) в классической и современной постмодернистской философии понимается некое преодоление границ в широком смысле слова: «Aufhebung» социального Бытия (Гегель), социальных запретов, моральных регулятивов (Ж. Батай), социальных кодов (М. Бланшо), акт излишества, преодолевающий пределы возможного (М. Фуко).

В нашем исследовании под трансгрессией мы понимаем некий инструмент, способствующий протеканию межкультурных контактов на фронтире, заключающийся в разрушении

традиционных культурных кодов и складывании новых базисных паттернов, которые включают в себя элементы бытия различных акторов межкультурных контактов.

Различные фронтальные акторы заимствуют обычаи, традиции, элементы религиозного мировоззрения, алиментарную и вестиментарную культуру друг друга. В этих контактах природное пространство тоже играет определенную роль. Так, например, казаки, не принадлежавшие к аборигенным кавказским этносам, носили кавказский тип одежды, который был в данной природной среде более практичен. Американские трапперы так же носили более приспособленную в этой природной среде индейскую одежду. Природными факторами во многом определяется и заимствование аборигенной алиментарной культуры.

На фронтире постоянно происходит конфессиональная и этническая трансгрессия. Так какой-нибудь джигит Гассан похищал в соседнем ауле Фатьму, привозил ее ночью в один из гребенских городков, где утром они превращались в Ивана да Марью [6, с. 22], т.е. имела место этническая и религиозная трансгрессия. Но живя бок о бок с кавказскими народами, сами гребенские казаки знали местные обычаи и нравы, и власти использовали их как толмачей [6, с. 66]. В силу того, что они заимствовали вестиментарную культуру горцев, их часто смешивали с кабардинцами [6, с. 25]. Даже раскольничий старец Пафнутий воевал в кабардинском платье верхом на коне [6, с. 93].

Гетеротопная среда межкультурных коммуникаций фронта влияет и на ценностные ориентации и систему поведения коммуникантов. Их мировоззрение становится более диффузным, в результате трансгрессивной инкорпорации в него элементов чужой системы ценностей. Система ценностей становится гетеротопной, включая в себя моменты неприемлемого для данных личностей за пределами фронта поведения: гендерного, институционального, религиозного.

Таким образом, из нашего исследования видно, что межкультурные коммуникации на фронтальных территориях имеют свою специфику по целому ряду причин: фронтальные территории являются социальными гетеротопиями; характер межкультурных коммуникаций зависит от типа фронта или от его стадии (типология фронта до сих пор до конца не разработана); фронтальные территории являются наиболее конфликтногенными, поэтому динамика межкультурных коммуникаций на этих территориях является своеобразным маркером уровня конфликтногенности. На фронтальных территориях отсутствуют четкие и последовательные временные периоды перехода от межкультурной интеграции, усиленной трансгрессивными характеристиками, к стадии конфликта, поскольку конфликтные ситуации имеют место параллельно с ситуациями взаимопомощи и взаимодействия. Границы контакта являются подвижным, что создает своеобразное гетеротопное пространство «между Своими и Чужими», в котором взаимоотношение сторон может принимать любые конфигурации, вплоть до интеграции с Чужими против Своих.

Список литературы

1. Баддели Дж. Завоевание Кавказа русскими 1720–1860 г. / Дж. Баддели. – М., 2013. – С. 27.
2. Басалаева И. П. Критерии фронта: к постановке проблемы / И. П. Басалаева // Теория и практика общественного развития: электронный научный журнал. – 2012. – № 2. – Режим доступа: <http://www.teoria-practica.ru>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
3. Донец П. Н. Теория межкультурной коммуникации. Специфика культурных смыслов и языковых форм : дис. ... д-ра филол. наук / П. Н. Донец. – Харьков, 2003. – 369 с.
4. Куликов А. С. Все кавказские войны России / А. С. Куликов. – М. : Яуза, 2013. – 608 с.
5. Попко И. Д. Терские казаки со стародавних времен / И. Д. Попко. – СПб., 1880. – Вып. 1. – С. 24.
6. Потто В. А. Два века Терского казачества (1577–1801) / В. А. Потто. – Владикавказ, 1912. – Т. 1. – С. 22.
7. Сабаненко Е. И. Межкультурное взаимодействие: сущность, типология, социальная регуляция / Е. И. Сабаненко // Молодой ученый. – 2014. – № 21. – С. 816–819.
8. Фуко М. О трансгрессии // Танатография Эроса: Ж. Батай и французская мысль середины XX в. / М. Фуко. – М. : Мифрил, 1994. – С. 271–308.
9. Якушенов С. Н. Фронт как культурная парадигма / С. Н. Якушенов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2015. – № 1. – С. 291.
10. Edward T. Hall Hidden Differences: Studies in International Communication / T. Edward. – Hamburg : Grunder&Jahr, 1983, 1984, 1985.
11. Foucault M. Of Other Spaces / M. Foucault // Diacritics. – 1986, Vol. 16. – № 1. – Pp. 22–27.
12. Turner F. J. The frontier in American history / F. J. Turner. – N.Y. : Courier Dover Publications, 1996.

References

1. Baddeli Dzh. *Zavoevanie Kavkaza russkimi 1720–1860 g.* M., 2013, p. 27.
2. Basalaeva I.P. *Kriterii frontira: k postanovke problemy. Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya: elektronnyy nauchnyy zhurnal.* 2012, no. 2. Available at: <http://www.teoria-practica.ru>.
3. Donets P.N. *Teoriya mezhkul'turnoy kommunikatsii. Spetsifika kul'turnykh smyslov i yazykovykh form: dis. ... doktora filol. nauk.* Khar'kov, 2003, 369 p.

4. Kulikov A.S. *Vse kavkazskie voyny Rossii*. M.: Yauza, 2013, 608 p.
5. Popko I.D. *Terskie kazaki so starodavnikh vremen*. SPb., 1880, vol. 1, p. 24.
6. Potto V.A. *Dva veka Terskogo kazachestva (1577–1801)*. Vladikavkaz, 1912, vol. 1, p. 22.
7. Sabanenko E.I. *Mezhkulturnoe vzaimodeystvie: sushchnost', tipologiya, sotsial'naya regulyatsiya. Molodoy uchenyy*. 2014, no. 21, pp. 816–819.
8. Fuko M. *O transgressii. Tanatografiya Erosa: Zh. Batay i frantsuzskaya mysl' serediny XX v.* M.: Mifril, 1994, pp. 271–308.
9. Yakushenov S.N. *Frontir kak kulturnaya paradigma. Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura*. 2015, no. 1, p. 291.
10. Edward T. *Hall Hidden Differences: Studies in International Communication*. Hamburg: Grunder&Jahr, 1983, 1984, 1985.
11. Foucault M. *Of Other Spaces. Diacritics*. 1986, vol. 16, no. 1, pp. 22–27.
12. Turner F.J. *The frontier in American history*. N.Y.: Courier Dover Publications, 1996.

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: РАЗЛИЧИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ В РОССИЙСКОМ И ЗАПАДНОМ ДИСКУРСЕ¹

Топчиев Михаил Сергеевич, кандидат политических наук

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: dc_mail@bk.ru

Статья посвящена анализу отечественного и зарубежного дискурса, посвященного проблемам цивилизационной безопасности. Поскольку термин «цивилизационная безопасность» является весьма дискуссионным, автором рассматривается вопрос о правомерности самого анализируемого понятия. Основной целью статьи является выявление разницы в интерпретациях этого термина в отечественном и зарубежном дискурсах исходя из понимания дихотомии варварство / цивилизация. Основная методология исследования – сравнительный анализ научных публикаций последних лет. В статье выявляется различие в подходах к базовому понятию «цивилизация». В западных трактовках, цивилизация определяется как высокий уровень развития общества, со всеми сопутствующими атрибутами, в отечественной – как победа над варварством. Разница в трактовках понятия «цивилизация», влияет и на различие толкований термина «цивилизационная безопасность». На основе сравнительного анализа делается вывод о том, что проблема цивилизационной безопасности в западном и отечественном научных дискурсах имеет весьма существенные различия. В отечественной литературе понятие цивилизационной безопасности связано в основном с безопасностью России и несет в себе определенный мессианский оттенок. В западной литературе она более конкретизирована и практически ориентирована и сближается с понятием «культура безопасности».

Ключевые слова: цивилизация, безопасность, варварство, фронтир, угрозы

CIVILIZATIONAL SECURITY: THE DIFFERENCE OF INTERPRETATIONS IN THE RUSSIAN AND THE WESTERN DISCOURSES

Topchiev Mikhail S., Ph.D. (Political)

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: dc_mail@bk.ru

The article is devoted to the analysis of domestic and foreign discourses, dedicated to civilizational security problems. Since the term «civilizational security» is rather polemical, the author considers the issue on legitimacy of the analyzed concept itself. The main objective of the article is to reveal the difference in the interpretations of this term in domestic and foreign discourses on the basis of barbarism / civilization dichotomy interpretation. The main methodology of the research is a comparative analysis of the last years' scientific papers. The article determines the difference in approaches to a basic concept «civilization». In the Western interpretation civilization is defined as a high level of society development with all the relevant characteristics, while in the domestic one, it is a victory over barbarism. The difference in «civilization» concept interpretation also influences on the difference in «civilizational security» term interpretation. On the basis of the comparative analysis, there is made a conclusion that civilizational security issue in the Western and domestic scientific discourses have rather significant differences. In the domestic literature, the concept of civilizational security is primarily linked with Russia's security and has a certain messianic connotation. In the Western literature, it is more detailed and practically oriented, it has close meaning to the concept «security culture».

Keywords: civilization, security, barbarism, frontier, threats

¹Работа выполнена при поддержке РГНФ15-33-11172а (и) «Культурная безопасность в условиях гетеротопии».